

Этой ночью Гу Лин лежал на широкой кровати в главной спальне, не в силах уснуть.

Даже к десяти часам вечера он оставался в комнате один — Ци Чэ так и не пришел. Лишь автоматический свет, настроенный по расписанию, погас с пугающей точностью.

Гу Лин лежал, уставившись в потолок.

Не слишком ли резко он высказался? Если бы он знал, что человек, которого он только что критиковал, стоит прямо за дверью, он ни за что не стал бы подбирать такие прямолинейные формулировки. Хотя Ци Чэ ничего не ответил, даже у искусственного интеллекта наверняка есть чувства, и ему было бы неприятно.

Эх.

В конце концов, правда глаза колет.

Размышляя о еще не окрепших брачных узах, Гу Лин пожалел о своей откровенности. В ожидании уведомления о расторжении брака, которое могло прийти уже на следующее утро, он снова провел бессонную ночь.

Проснувшись в полузабытьи, он скосил взгляд на соседнюю половину кровати: она оставалась идеально заправленной, ни единой складки.

Ци Чэ что, вообще не приходил ночевать? Неужели на написание заявления о разводе требуется целая ночь?

Охваченный тревогой, Гу Лин поспешно встал и спустился вниз, но в вилле Ци Чэ уже не было. Он взглянул на телефон — было около восьми утра. Решив, что даже перед увольнением важно сохранять профессионализм, он отправил короткое сообщение с пожеланием доброго утра.

К его удивлению, ответ пришел почти сразу.

Глядя на холодный, лишенный лишних знаков препинания текст, который, впрочем, выглядел совершенно обычно, Гу Лин слегка выдохнул. Похоже, сторона контракта еще не настолько разгневана, чтобы его разрывать.

Позавтракав, Гу Лин освободил сумку с вещами, которые привез с собой, и отправился в свою квартиру, чтобы забрать оставшееся.

Спустившись на лифте в подземный гараж, он прошел мимо вереницы спорткаров, представительских седанов и домов на колесах, стоимость которых исчислялась восьмизначными числами, и отыскал свой издававший виды серебристый кабриолет. На днях, когда он был в родовом поместье семьи Ци, водитель перегнал машину сюда. Ее даже успели помыть: теперь кузов сиял, словно новый.

Доехав до старого жилого квартала в центре города, Гу Лин припарковался на забитой площадке у шумного продуктового рынка. Утренние торговые ряды дымились от пара. Купив по пути стакан соевого молока, он поднялся к себе.

В подъезде пахло домашней едой. Гу Лин добрался до шестого этажа и провернул ключ в замке.

Сзади послышался голос маленькой девочки:

— Братик, ты вернулся! Пойдешь вечером на рыбалку?

Гу Лин обернулся и увидел, как из дверного проема соседей выглядывает полголовы.

— Зашел за вещами, скоро уеду, так что не пойду, — ответил он.

Девочка вышла в коридор, обняла его за ногу и надула губы:

— Ты больше никогда не вернешься?

Гу Лин помедлил:

— Нет, через какое-то время, возможно, вернусь.

Конечно, это зависело от того, удастся ли ему вернуть то, что принадлежит ему по праву, отняв это у семьи Гу.

Он спросил:

— Тот плохой дядя не приходил беспокоить тебя и маму?

Девочка покачала головой:

— Нет, после того как ты дал ему денег, он больше не появлялся.

Гу Лин слегка приподнял бровь, вспоминая, что десять лет назад вел себя именно так: не только постоянно уступал хищникам из семьи Гу, чтобы избежать конфликтов, но и в помощи другим проявлял лишь слабость, откупаясь деньгами. В общем, поощрял негодяев.

— В следующий раз, как придет — звони мне, — Гу Лин холодно усмехнулся, прищурив узкие глаза. — Обещаю, он пожалеет, что родился на свет.

Девочка недоуменно моргнула.

Гу Лин потрепал ее по хвостику, отправил домой и вошел в квартиру.

Он собрал документы на недвижимость, сертификаты на акции и прочие бумаги, уложил их в сумку, добавив фотоальбом и мягкую игрушку. Разбирая шкаф, он несколько раз порывался забрать одежду, но в итоге аккуратно сложил всё обратно. В любом случае, носить ее там было негде, да и такие вызывающие цвета в глазах Ци Чэ выглядели бы слишком нелепо.

Всё равно он скоро вернется — либо после поражения, сбежав в свое логово, либо после победы, переехав в особняк семьи Гу. Но точно не останется жить у Ци Чэ надолго.

С этой мыслью Гу Лин не стал особо усердствовать с упаковкой. Напротив, он два часа наводил в квартире идеальный порядок, чтобы при возвращении можно было сразу въехать или, наоборот, быстро съехать. Наконец, он запер дверь и пошел вниз.

На пятом этаже ругались супруги. На четвертом дрались мать с сыном. На третьем миловалась парочка. На втором одинокая старушка грелась на солнце. А старик-сборщик вторсырья на

первом этаже как раз возвращался домой с полной тележкой.

Гу Лин шаг за шагом покидал старый дом, где прожил несколько лет. Когда в семье Гу для него не осталось места, именно эта недвижимость, оставленная родителями и не привлекавшая алчных родственников, стала его единственным прибежищем.

Дорога к восточной окраине города ощущалась как переход в другой мир. Миновав череду элитных коттеджных поселков, Гу Лин заехал в гараж виллы Ци Чэ.

Поднимаясь оттуда пешком, он услышал лай, доносящийся из заднего сада.

Гу Лин замер.

Точно, он же совсем забыл, что на вилле живет еще один Линлинци.

Хотя Гу Лин терпеть не мог это дурацкое прозвище, которым его несколько лет дразнили приятели в детстве, при каждом упоминании у него срабатывал условный рефлекс.

Вместо того чтобы идти в дом, он направился в сад — хотелось взглянуть, что же это за чудо. Какую собаку может держать человек вроде Ци Чэ? Немецкую овчарку? Бордер-колли? Тибетского мастифа?

Рассуждая про себя, он вышел в сад и тут же услышал грохот падающего предмета, а затем встретился взглядом с парой глаз, полных философской мудрости.

— Линлинци! Помедленнее! Ты опять всё крушишь!

Дрессировщик в отчаянии гнался за собакой, но, заметив Гу Лина, поспешно остановился и поклонился:

— Господин Гу.

Гу Лин молча стоял, изучая хаски, который с первого взгляда казался чистокровным.

— Это и есть... Линлинци? — медленно спросил он.

Хаски в ответ:

— Гав!

Гу Лин:

— ...Спасибо за ответ, я понял.

Дрессировщик вытер пот со лба:

— Да, он совершенно не слушается. Господин Ци пару дней назад отправлял его на базу на тренировку, но толку никакого. Стоило привезти обратно, как он тут же опрокинул стеллаж с цветами.

Гу Лин приподнял бровь:

— Правда?

Он опустил взгляд, встретившись с вызывающим взглядом пса.

...

Спустя полчаса.

Гу Лин:

— Дай лапу.

Хаски:

— Гав!

Дрессировщик стоял с открытым ртом:

— Боже мой!

Гу Лин:

— Сидеть.

Хаски:

— Гав!

Дрессировщик был в шоке:

— Господин Гу, не ожидал, что вы обладаете такими навыками. Я могу смело уходить в отставку...

Гу Лин дернул уголком рта:

— Кто же виноват, что у него такое же... — он осекся и кашлянул: — Ничего, просто у меня раньше был хаски.

Дрессировщик понимающе закивал.

Гу Лин присел на корточки, глядя в глаза псу. Тот был немного похож на его старую собаку по кличке Сливки, только выглядел еще глупее. Кстати, где сейчас Сливки? Может, еще даже не родилась? Если он переродился, переродится ли она?

— Линлинци!

Гу Лин погрузился в свои мысли, но, услышав имя, по привычке обернулся:

— Что...

Линлинци:

— ГАВ!

Гу Лин, успев произнести лишь полслова, тут же замолчал.

Повезло.

У входа в сад стоял Ци Чэ, а за ним Гао Линь, который только что звал собаку.

Гао Линь подошел первым:

— Господин Гу, вы тоже здесь?

Гу Лин посмотрел на Ци Чэ. Тот был в черном плаще, в очках и маске — видно, только что прорвался сквозь толпу фанатов и объективов камер.

Дрессировщик, увидев Ци Чэ, тут же захлеб рассказал о чуде, которое только что произошло. Гао Линь, потрясенный и недоверчивый, перевел взгляд на Гу Лина.

— Господин Гу, не подумайте, что я вам не верю, — сказал Гао Линь, — просто Линлинци обычно...

При каждом упоминании этого имени у Гу Лина словно сердце сжималось, и он поспешно прервал его:

— Подождите.

Он развернулся к собаке и снова скомандовал дать лапу и сесть.

Гао Линь пришел в полный восторг, его возбуждение ничем не уступало реакции дрессировщика:

— Эй! Это невероятно! Он и правда научился!

Гу Лин украдкой посмотрел на Ци Чэ. В его глазах, обычно спокойных, как ледяное озеро, мелькнуло редкое удивление. Гу Лин подумал, что репутация этого хаски как безнадежного глупца, видимо, укоренилась в умах окружающих слишком глубоко.

Дрессировщик еще долго распинался о том, что он не достоин больше тренировать собаку, и даже когда Гао Линь провожал его, он продолжал восторженно болтать. В саду остались только Гу Лин, Ци Чэ и пес.

Убедившись, что никого нет, Гу Лин не выдержал:

— Господин Ци, у меня есть маленькая просьба.

Ци Чэ, не отрывая взгляда от хаски, ответил:

— Говори.

Гу Лин набрался смелости:

— Пожалуйста, подумайте о том, чтобы сменить ему имя.

Ци Чэ посмотрел на него:

— Почему?

— Потому что я... — Гу Лин хотел сказать, что у них одинаковые имена, но, встретившись с холодным взглядом Ци Чэ, засомневался. — Потому что он...

Носить одно имя с хаски — это позор, который нужно унести в могилу. Даже если перед ним ИИ, признаваться в этом нельзя!

Гу Лин нашелся:

— Я думаю, он слишком глуп для такого имени.

Ци Чэ немного помолчал, а затем произнес:

— Он научился давать лапу и сидеть. Глупым его не назовешь.

Гу Лин:

— ...

Ему хотелось встряхнуть Ци Чэ за плечи и умолять: не будь такой предвзятой «мамочкой», неужели твои стандарты настолько низки?!

Словно желая доказать свои слова, Ци Чэ снова посмотрел на хаски, сделал полшага назад и присел.

Гу Лин заметил, как изящно тот присел, положив руки на колени. Даже в таком положении он выглядел благородно. Гу Лин впервые смутно осознал, что перед ним стоит самый востребованный молодой киноактер современности. Под его влиянием даже чистокровный хаски казался аристократом.

Ци Чэ протянул руку:

— Дай лапу.

Хаски остался стоять, глядя на него с тем же мудрым выражением лица.

Гу Лин:

— ...

Образ аристократа был безжалостно разрушен.

Ци Чэ застыл в этой позе на три секунды. Гу Лин почти физически ощутил, как разбиваются его ожидания.

Наконец Ци Чэ поднялся, и полы его плаща взметнулись от резкого движения. В этом порыве ветра Гу Лин уловил нотки недовольства, несвойственные всегда невозмутимому Ци Чэ.

Ци Чэ обернулся и сухо бросил:

— Ты прав. Он действительно очень глуп.

<http://bllate.org/book/19076/1873515>